

01.04.2012, 13:56

МНЕНИЯ

На Красной площади круглей всего земля...

«Они посмели ступить своими грязными ногами на эту священную брусчатку...»

*Из выступления рабочего на собрании
в институте Гипротис
(месте моей работы) 27 августа 1968*

«Ну не кощунство ли, не святотатство ли —
с БЕЛЫМИ ленточками на КРАСНУЮ
площадь?»

*Из моего блога в ЖЖ (мой подзаголовок
к фотографиям прошлого воскресенья)*

На этой неделе нас опять вспомнили.
В телепередаче Александра Архангельского
«Диссиденты» вначале идет дикторский текст
(всю передачу я по глухоте слушать не стала,

но это расслышала хорошо): «...они вышли на Лобное место».

Не выходили мы НА ЛОБНОЕ МЕСТО. Мы вышли НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ. Сели на тротуарчик у Лобного места лицом к Историческому музею, развернули плакаты — дальнейшее общеизвестно. Красная площадь была выбрана как символическое место демонстрации, а Лобное место — просто как удобный ориентир: не где-то посреди площади, а спиной к надежной стенке.

Я не знаю, кому пришла в голову Красная площадь — может быть, Ларисе Богораз (от нее я узнала время и место демонстрации), но это было идеальное решение. Самое сердце государства, против действий которого мы протестовали. Самое КРАСНОЕ место КРАСНОГО государства. И не напоминайте мне, что в древности Красная площадь — это всего лишь красивая, прекрасная; в советские времена это название встало в ряд всяческих Красных октябрей и Красных шинников. Так и переводится: Red Square, Place Rouge, Płac Czerwony.

Тогда протест на Красной площади прозвучал

впервые. С 1968-го у Красной площади, как у Пушкинской — с 1965-го, своя история и традиция протестов. Мирных протестов. 15 лет спустя после 25 августа 1968 года, размышляя о западном восприятии нашей демонстрации на фоне их собственных бурных студенческих бунтов, я писала: «Для Запада же (...) сильным впечатлением стала сама скромность, „тихомирность“ нашей демонстрации.

В самом деле, семь человек в центре Москвы, в сердце советской империи, на Красной площади, садятся на краешек тротуара и поднимают над собой плакаты. Даже без выкриков. Крики и насилие — лишь со стороны тех, кто спешно ликвидирует демонстрацию: трещит материя или бумага разрываемых плакатов, раздаются громкие оскорбления, сыплются удары, людей насильно запихивают в машины, а они — даже не сопротивляются».

В этом смысле белые ленточки на Красной площади кажутся мне — больше, чем что-либо другое, — прямым продолжением нашей традиции. «Даже без выкриков» — и даже без плакатов. «...людей насильно запихивают в машины, а они — даже не сопротивляются».

Несколько лет назад, оттолкнувшись от строки
Мандельштама, взятой мною в заглавие этой
заметки, я сочинила стишок, которым позволю
себе закончить:

На Красной площади земля всего красней,
там кровь из-под брусчатки проступает
и с ней
тот вечный огонь, что нас, как Палах, палит.

Тот вечный танк, что прямо в нас палит,
когда приказ подпишет замполит
и даст отмашку командир
в мундире том еще, заношенном до дыр.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные
пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные
пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о
политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Белая площадь

